

редакции Жития Сергей пишет: ³⁴ «Сих святых повести о чудесех обретох на харатях написано невеждами простою беседою, не презрех же сие не украшено оставити» (л. 38 об.). Таким образом, задачу предпринимаемого им труда Сергей видел, прежде всего, в придании имеющимся рассказам о святых достойной, с точки зрения агиографического жанра, формы. В соответствии с этой целью Сергей начинает свое сочинение с витиеватого риторического вступления и заканчивает его столь же витиеватым заключением. В самом тексте произведения Сергей придает большую риторичность, отвлеченность и обобщенность первоначальным записям о святых, которые служили ему источником. Если бы вся работа Сергея заключалась только в этом, то его редакция Жития Иоанна и Логгина Яренгских представляла бы собой обычную переработку в риторическом духе бесхитростных первоначальных записей о святых. Но, украшая то, что, по его словам, было написано «невеждами простою беседою», Сергей внес немало и своего, и это его собственное творчество представляет значительный интерес.

Сергей, рассчитывая не только на местный, но и на более обширный круг читателей, рассказывает о некоторых достопримечательностях Поморья и местных обычаях, что связывается им с основным содержанием Жития. Сергей сообщает, где находится Яренга, и пишет, чем занимаются жители этого села на берегу моря: «Жителие же веси тоя обычай имут соль варити, и ту соль, отвозя в кубарах, изменяют на хлебные запасы. Тем жизнь свою провожают, понеже в Примории земля негобзователна — каменна и плодоносных нив не имеет» (л. 39 об.). Мощи и Иоанна и Логгина были найдены на побережье Белого моря. Сергей рассказывает, почему так могло произойти: «Обычай есть в Примории живущим человеком: от моря утопших человек взимати телеса и земли предавати погребению, дабы зверие не растерзали и птицы небесныя не расторгали. Аще ли случится жестока земля и каменна, то камения на нь могилу насыпают и гроб, елико онем доволно, сотворят» (л. 40—40 об.).

Но не эти добавления Сергея составляют главную примечательность его редакции жития. Самое интересное в этом житии — описание моря. Едва ли будет преувеличением сказать, что здесь перед нами первое в русской литературе поэтическое описание морской стихии. П. Знаменский справедливо писал: «Видно, что автор, живший много лет в знаменитой „обители Пантократоровой сущаго понта окиана“, любил свое холодное и суровое море и в своей любви к нему мог доходить даже до поэтического возбуждения».³⁵ В картинах моря, рисуемых Сергием, много возвышенной риторики, но нельзя не обратить внимания и на лиричность, живое человеческое чувство, ярко проявившееся в этих описаниях. Сергей стремится дать в своей редакции Жития как можно больше описаний моря. В его источниках ничего не сказано о том, как перевозились мощи святых в Яренгу; у Сергея это связывается с морем. При этом он не просто говорит о том, что останки Иоанна и Логгина с места погребения перевозятся на ладьях, но рисует целый пейзаж, подчеркивающий торжественность, величие происходящего события. Отправляясь за мощами Иоанна, жители Яренги «в кораблец всадают и предреченнаго места, глаголемаго Сярты, достизают» (лл. 42 об.—43). Мощи святого, «вземше на рамо», «в кораблец относят». «Воздуху же служащу посивну сушу, вспять возвращаются. И море на свою плещу тихостию кораблец со предподобнаго телом ношаше» (л. 43 об.).

³⁴ Текст Сергиевой редакции Жития цитируется по списку ГПБ, собр. Погодина, № 728.

³⁵ П. Знаменский, Сергей Шелонин, стр. 308—309.